

ОГРОМНОЕ, ИЗУМИТЕЛЬНОЕ И РУССКОЕ

Три года назад, 13 февраля 1960 г., у Ирины Федоровны Шаляпиной, дочери великого певца, читавшей в те дни в Куйбышеве лекции о нем, собралось несколько человек, отмечавших вместе с хозяйкой 87 лет со дня рождения ее отца. «Его» наполненный вином бокал стоял нетронутым на середине стола до конца этого памятного вечера.

Ирина Федоровна в этот день получила в подарок от артистов Волжского хора фотографию: хор возлагает венок на могилу Шаляпина в Париже. Надпись на памятнике на французском языке гласит:

ФЕДОР ШАЛЯПИН
великий сын земли русской
1873—1938

Какая лаконичная, точная, великолепная надпись! Ведь при всей своей мировой славе, объехавши целый свет, выступая во всех крупных городах мира, играя в оперных спектаклях с знаменитыми артистами всех национальностей Европы и Америки, владея несколькими иностранными языками, проживши последние семнадцать лет своей жизни в эмиграции, — он все же оставался русским. «Шаляпин это нечто огромное, изумительное и — русское», — сказал о нем А. М. Горький. Через весь свой жизненный путь Шаляпин пронес не только силу и очарование русской песни, русской оперной музыки, но и русскую натуру. Он был чужд какой бы то ни было «дипломатии», одинаково независимо держал себя и с хористами, и с великими князьями.

Шаляпин чувствовал свою связь с Россией, несмотря на многие годы, проведенные вне Родины. За два года до смерти он пишет своему другу артисту А. М. Давыдову: «...А отчизну мою обожаю! Сегодня сочельник... Я буду пить вино за процветание великой моей страны, за всех вас, и за тех, кто ведет Россию к новой будущей (надеюсь как море свободной) жизни». Предсмертными словами Шаляпина были: «Где я? В русском театре... Надо пить... а мне нечем дышать! В русский театр!».

Вряд ли кто-нибудь в артистическом мире сделал такую стремительную карьеру. Сын бедного крестьянина, учившийся грамоте на медяки, битый отцом и своими «хозяевами» — ремесленниками, у которых был «в ученьи», битый и регентами в церковных хорах, и даже своим единственным кратковременным учителем пения Д. А. Усатовым, голодный бродяга-хорист, он через два-три года становится артистом императорского театра, еще через два года популярнейшим певцом в России, а затем весьма скоро, после гастролей в Италии — артистом с мировым именем.

Итальянцы возмущены: «Выписывать русского певца в Италию, ведь все равно, что к вам в Россию ввозить пшеницу». Так передавал разговоры в Милане известный фельетонист Влас Дорошевич. Но с первого же спектакля Италия, страна некоронованных владык вокального искусства, была покорена. Старый Анджело Мазини, в свое время знаменитый тенор, «серафим от бога», как называл его Шаляпин, писал в петербургскую газету «Новое время»: «Этот вечер был настоящим триумфом для русского артиста... Это прекрасный певец и превосходный актер, а вдобавок у него прямо дантовское произношение. Удивительное явление в артисте, для которого итальянский язык не родной».

Чем же был велик и всепокоряющ Шаляпин? Всем! Великолепным, поставленным от природы голосом, редкостью задушевного, бархатного тембра, блестящими внешними данными, предельной музыкальностью, редчайшей памятью, громадным актерским дарованием и в трагическом и в комическом жанрах, и могучим темпераментом, — я никогда не слышал хотя бы одной фразы у Шаляпина, спетой нейтрально, хладнокровно.

Особо нужно говорить о новаторстве Шаляпина. После близкого знакомства еще в Петербурге с группой драматических артистов Александринского театра во главе с М. Дальским, а в особенности после

переезда в Москву в частный оперный театр Саэвы Мамонтова, после сближения с группой художников — братьями Васнецовыми, В. Серовым, М. Врубелем, К. Коровиным, молодым дирижером С. Рахманиновым, Шаляпин объявляет войну рутине, штампу, внешней красоте, а также всепоглощающей заботе артистов только о высоких нотах, филировании и красоте звука. Он ведет эту войну с самим собой, а потом со всеми, кто отстаивает оперный стиль «костюмированного концерта» вместо «сценической музыкальной драмы» (как определил жанр оперного спектакля Верди). Шаляпин утвердил в опере принцип реализма — он сделал то, что в драме сделал М. Щепкин, а за ним К. Станиславский.

Мне посчастливилось слышать Шаляпина в августе 1907 года в Петербурге, в летнем театре «Олимпия» на Бассейной улице. Театр представлял одноярусный деревянный сарай: большой партер, по бокам несколько лож, а сзади партера — галерея. Пускали в театр, как полагается, за полчаса, но мы, галерочники, приходили за полтора часа и ждали открытия дверей, чтобы занять передние места у барьера. В антрактах никто из нас не выходил в сад (иначе займут место), так что приходилось стоять, стиснутым со всех сторон, пять-шесть часов.

Трудно, почти невозможно передать более чем через полвека подробно, как пел и играл в каждом спектакле Шаляпин. Остались в памяти отдельные сцены, отдельные моменты и общее впечатление — вернее даже не впечатление, а состояние, затаенного дыхания, бьющегося сердца, немых восторгов, несказанной радости, в котором мы пребывали несколько часов подряд.

Такими памятными сценами в «Борисе Годунове» были сцена с призраком и смерть Бориса. Шаляпин пишет, что на генеральной репетиции «Бориса Годунова» в Париже, узнав о недоделке нескольких костюмов для бояр, он решил и сам репетировать без грима и костюма. Когда подошла сцена с призраком Дмитрия и Шаляпин, глянув в угол терема, проговорил: «Что это там!.. в углу... колышетесь?» — несмотря на «пиджачный вид» царя, весь литературный и театральный Париж, заполнивший партер, встал со своих мест, чтобы посмотреть, что увидел Шаляпин — Борис... Такова была сила его выразительных средств, его «гипнотического» дарования.

Я не помню, было что-нибудь подобное в петербургском спектакле, но звук этого приглушенного голоса: «Что это там!.. в углу...» я слышу и сейчас.

В последней картине Борис — Шаляпин приходил в Думу уже надломленным и физически и душевно. Медленно поднимался он на трон и после большой паузы тихо-тихо начинал:

Я создал вас, бояре,
На вашу мудрость полагаюсь...

После рассказа Пимена о чудесных исцелениях на могиле Дмитрия, с криком «Душно. Свету!» Борис па-

дал с трона. Необычайно проникновенно звучало прощание с сыном. Но осталась в памяти навсегда фраза: «Я царь еще!», повторяемая два раза. Первый раз Шаляпин, хоть и лежа на полу, пел ее на каком-то необыкновенно мощном властном звуке, на предельно широком распеве, но на этом силы его как будто кончались и второй раз он уже не пел, а говорил «Я царь еще», затем двести фразы почти шепотом и... смерть.

Через день я, снова притиснутый к галерочному барьеру, был на спектакле «Мефистофель» Бойто. После небесного благовеста, переключки в оркестре труб и тромбонов, славящих бога, я услышал первую фразу уже знакомого чарующего голоса: «Хвала, господа!». Но какая завуалированная ирония и дерзкое отрицание слышались в этом как будто почти-тотальном обращении. Наиболее яркой сценой была картина «Шабаш на Брокене». Вот он, Мефистофель — Шаляпин, стоит на остром выступе скалы среди ведем, чертей и прочей «нечисти», озаренный красным отблеском зарева. Он почти обнажен. Ноги, руки, грудь, гордый постав головы — как все это пластично, скульптурно. В его вытянутой руке земной шар.

Вот он мир.

Вот шар презренный...

...На горбе у него живет и изнывает Род людской, гнусный, злой,

Который он питает...

Совершенно неистово кончалась ария:

Вот часть вселенной,

Вот мир презренный!

Эту реплику подхватывал оркестр в каком-то бешеном звучании гиря, но оркестр покрывался дьявольским свистом Шаляпина — столько в нем было дерзости в адрес господ бога и унижения рода людского!

Третий спектакль, «Русалка», несмотря на гениальное исполнение сцены сумасшествия Мельника, которую я сейчас никогда не пропускаю по радио в исполнении Шаляпина, не произвел на меня такого впечатления, вероятно, потому, что я был уже очень переутомлен, разбит пятичасовыми стояниями на галерке и бессонными ночами после спектаклей.

Осенью 1909 года я слушал Шаляпина в концерте в Самаре. Трудно сказать, в чем Шаляпин был выше — в опере или в концерте, ибо и на эстраде он был и замечательным певцом, и замечательным актером. Талант проникновения в сердце и душу романса или песни, а также способность внутреннего перевоплощения были исключительными. В модном фраке и лаковых башмаках он был перед нами и пророком, и королем, и моряком, уходящим в последний рейс, и глуповатым семинаристом, и крестьянином, и даже «крестьянкой», запомнившей на всю жизнь мимолетный поцелуй молодого офицера.

Неповторимое, бессмертное искусство!

Г. ШЕБУЕВ.
Народный артист СССР.

17 423 1963
Волжская коммуна